

Влад Доронин

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Сквозь туман

Борис Влад Доронин

Сквозь туман

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Влад Доронин Б. Д.

Сквозь туман / Б. Д. Влад Доронин — «ЛитРес: Самиздат», 2019

"Сквозь туман" это рассказ-поиск. Нырните в него и, может быть, найдёте путь туда, куда и не думали попадать. Содержит нецензурную брань.

© Влад Доронин Б. Д., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Кажется иногда, что туман, нависший над разлившейся по берегам реки заводью города смотрит в глаза и посмеивается. Он нахально струится в холодном воздухе миллионами потоков и слабый ветер лишь следует за его движениями, как подобострастная тварь. И сырость клубится в воздухе и переливается из одного потока в другой, наполняя спящий город своим тяжелым дыханием. Сырость стучится в каждый дом, в каждое замершее в темноте окно, но ни одно ее не впускает и в таком противостоянии они, окна и сырость, проводят вот уже которую ночь. Хочется отойти от окна и упереть взгляд в любимую и приятную гладь потолка, но руки не отрываются от подоконника, а лоб все так же устало упирается в стекло...

Тысячи, тысячи окон зияют провалами в холодном тумане. И видно, как туман стремиться проникнуть в каждое окно и одновременно касается каждого. И за каждым противящимся напору сырости стеклом недвижима простая и однообразная обстановка жилых помещений. Но ни в одно из этого океана окон он не может просочиться, и все окна собираются в своей борьбе с ним в большую и единую армию, только разделенные светлыми полосками стен они не сливаются воедино, а смотрят наружу толпами черных глубиной глаз.

И взгляд пропадает в смутном теле тумана и кажется, что можно чувствовать его чувства, и думать его мысли, и видеть его зрением... Но не получается, и ощущая свое превосходство туман продолжает видеть все сразу и улыбается прямо в глаза, которые видят только сливающийся в одно туман.

Вот постепенно светает и туман становится более густым и пышным. За окнами начинают просыпаться люди, об этом можно судить по тому, что все чаще и чаще вспыхивает в каком либо из окон свет. Потом свет тухнет и это значит что люди ушли из дома. Потом свет в окнах перестает гореть совсем и туман куда то уходит, это значит, что наступил день. И тогда отрываясь от чего то черного и непонятного загорается новая мысль в так и не загоревшемся сегодня окне.

«Хочется спать? Нет... Что тогда?..»

Мысли текут вроде и ровно, но где то вдалеке, так, что пока ни одна еще отчетливо не видна. Самое приятное ощущение. Тело расслабленное, дыхание глубокое, усталость такая, какую бы всегда хотелось ощущать – отдохнувшая.

«Что тогда?..»

Ноги и руки сами начинают слегка напрягаться, заставляя что то там внутри ускоряться и шевелиться задорнее. Усталым движением руки вытягивают свои мышцы за голову и наслаждаются напряжением. Глаза нехотя пропускают кусочек света и тут же закрываются, вновь возвращая тело в приятную негу.

«Так что же, если спать не хочется?..»

Нехотя отрывается одна мысль и дает себя разглядеть: «Вставать, что ли?»

Спина ощущает надежную жесткость матраса, а ноги и грудь мягкую пелену одеяла. Тепло кажется пронизывает все тело насквозь, от груди до поясницы. Оно ?вроде и течет то туда, то сюда медлительным и плотным потоком, а вроде и неподвижно, и просто заполняет все пространство вокруг. Приятное тепло... От мелкой дрожи удовольствия стремиться друг к другу плечи и бесстыдно-счастливая улыбка на секунду появляется на губах. Глаза снова приоткрываются на мгновение и тогда громче начинает говорить что то внутри.

«Вставать! Зачем лежать? Да... Сейчас встаю, быстренько кушаю... »

Мысль уходит куда то. Глаза открываются и какое то время смотрят в потолок, но глядя в одну ничем непримечательную точку они молчат и ничем не радуют пробуждающееся сознание. Не говорить же нельзя, и не глаза, так образы начинают возникать на белом полотне потолка. Полусонные картинка отвлекают внимание от нерадивых глаз и снова переносят в пограничный мир.

...Ноги легко идут по мягкой дороге. Дорогу не видно, да и вокруг почти ничего не видно – это белый туман насыщенный тонким солнечным светом окутывает все вокруг; только чув-

ствуется как двигаются... то ли ноги вперед, то ли камешки на дороге навстречу. Ощущение покоя и легкости – снова легкая зыбь покрывает спину и руки. А свет все горит и горит, ноги двигаются.

«Куда? Зачем?»

Без вопросов. Не нужно вопросов когда все прекрасно. Свет продолжает слепить все внутри и тепло от лучей жарким приливом заставляет распахнуть одеяло.

«Куда?»

Никуда. Просто приятно идти в этом свете, ощущать его всем телом, всей душой.

«Куда?». Настырный вопрос раздражается и звучит все громче. Ему скучно, он требует развлечения.

«Ну куда... Вот в парк..., нет, в центр города, там хорошо погулять». Ноги медленно двигаются, не касаясь мощеной плитки тротуара. Свет. Вокруг... Вокруг... Картинка цетра города блеклая и некрасивая. Не удастся увидеть этот центр, быстрый, мелькающий, красивый с фасадами, полный с людьми – не получается. «В парк, значит... в парк». Ноги двигаются, свет горит...

Приятно идти по чуть слышно скрипящему снежку этой дорожки, слушать, как шуршит в воздухе снежинки и чувствовать прикосновение холода. Нет, нет... Вокруг сухо и летне! Светит жаркое солнце. И приятно идти по дорожке окруженной зеленоцветными ковриками. Не слышно, но птицы поют. Не видно далеко вокруг, но везде все зеленеет и радуется. Ноги мягко двигаются, жаркий свет...

«Зачем?»

Зачем... Зачем?..

Вот вдалеке показалась симпатичная женщина. Она идет навстречу и старается не замечать его. Легкая усмешка скользит по его губам. Женщина проходит мимо. Тепло от света начинает медленно и приятно концентрироваться в одном месте, сам свет тухнет оставляя место только этому образу.

– Ой! – Сзади слышится тонкий вскрик. Ну конечно – она сидит на дорожке и держится за ногу.

–Вам помочь?

–Даже не знаю.– Она беспомощно смотрит в его глаза..

Он присаживается рядом и бережно касается ее ножки. Здесь?

–Да

Возникает острое желание поцеловать эту вкусную ножку, но уверенный голос внутри говорит – не хочу... Сильными руками он массирует ей стопу. Поднимает на ноги. Под ее просящим взглядом он желает ей удачи и разворачиваясь возвращается к нарушенному уединению прогулки.

Нет, нет... Он несет ее на руках домой. Домой.. к себе. Нет лучше к ней. Она наполняет его каким то божественным ароматом, когда он все тяжелее дыша поднимается по лестнице. Ее грудь плотно и доверчиво прижимается к его груди, а близкие глаза слегка вздрагивают от его прямых взоров. Шаг за шагом плавно качаются они вместе, поднимаясь вверх.

Он берет ее ключи и открывает дверь. «Как я могу вас отблагодарить», спрашивает она, глядя ему в глаза, когда он нежно кладет ее на диван в гостиной. В глаза... – сон вздрагивает, нет, нет, лучше не так...

...Он, улыбаясь, нежно ставит ее на пол возле двери. Она, неловко стоя на одной ноге открывает ее.

–Надеюсь, дальше вы допрыгаете, – он с улыбкой смотрит на нее.

–Да. – почти шепотом произносит она.

Он медленно начинает спускаться. Посмеиваясь в душе, он ожидает: когда же?

–Постойте. – Она почти плача быстро подбегает, к перилам. От волнения она забыла хромать.

Он останавливается и смотрит на нее.

–Как...Как я смогу отблагодарить Вас. – С придыханием волнения и признавая свое поражение произносит она.

Он быстрыми шагами поднимается и жесткий поцелуй сминает ее, когда она снова оказывается на его руках. Пронесаясь мимо почти неразличимые двери и вот уже сильные руки стягивают кофточку и охватывают распалюющееся, но еще скованное целомудрием тело и тепло взрывается и распирает его грудь нарастающей волной желания.

Член пульсируя приподнимает одеяло и рука, как в забытьи, начинает медленно сжимать его одновременно с тем, как глаза под тенью век продолжают смотреть за разгорающейся сценой. Рука нежно ласкает – и это не его рука, а рука той, что с перекошенным от страсти лицом смотрит сейчас на него и сжимая губы и стоная от удовольствия медленно подтягивает его к себе. Вот, вот...

Он в резко отбросил одеяло и чертыхаясь в душе соскочил с кровати. Он не посмотрел под ноги и подскользнувшись на лежащей на полу книге вырвал ногой часть страницы, сам при этом чуть не упав. Взмолнованно дыша он некоторое время стоял посреди комнаты, стараясь не опускать взгляд и ожидая пока кровь успокоится.

«Ну что? Что? Что так волноваться...» Он несколько раз прошел по комнате. Дыхание наконец выровнялось. «...ничего страшного в этом нет... Во сне тем более... Во сне...»

Он присел на корточки у разорванного тома энциклопедии и сосчитал разорванные листы. Тринадцать. Бумага слишком тонкая. Но ничего страшного, чинится просто. Нужно купить широкий скотч и аккуратно приложить его на разрыв. Все будет нормально, если... Мать очень печется о своих книгах... Но ничего, тома энциклопедии она никогда не достает, нечего волноваться. Да и почему нужно волноваться. Что она? Старая женщина. Мать, конечно, но...

Он положил порванный том на стол и закрыл его, затем взял валяющуюся на столе газету и записал на ее краю номер страницы с которой начинались разрывы. Сейчас книга будет поставлена на место, позже открыта по этой записке и заклеена. Мать ничего не узнает. Все.

Ожидая яркого потока, который бы ослепил глаза он перегнулся через стоящий у окна стол и распахнул, насколько хватило рук шторы. Поток не оказался. То, что через плотную ткань было похоже на яркий солнечный свет, приняло вид серого ненастного дня.

Ну ладно, ничего. Поесть быстренько, прогуляться, может быть... Потом что? Да, доделать кроссворд. Вчера не смог, но там было хорошо. Что же, что же... Что же вчера... Да. ПЕРКУССИЯ, да. Болезни зубов. Он взял валяющуюся на полу у стены газету. Как красиво там было... А? Как он его сделал. Он подошел к столу, положил газету поверх поврежденной книги и оперся над ней на руки. Здорово. Как я вчера! Ведь нашел, нашел!

Он горделиво потер под майкой живот. Коснувшись при этом резинки трусов, он вдруг вздрогнул и принялся деловито натягивать на себя штаны. В углу было пыльно и поэтому на штанах резными рисунками отпечатались те места, которыми они соприкасались с полом.

«Поем, подмету пол... Да вообще надо бы убраться... Да... Надо бы... Убраться... Потом что?.. Прогуляться, да? » Зачем то мести пол, зная, что завтра он будет грязным. Мести ради того, чтобы доказать себе, что можешь и способен? Итак известно, что способен, что тут сложного – взял подмел. Нет, незачем тратить драгоценное время на такие мелочи. Это почти то же самое, что удовлетворять желание – пришло в голову красивое сравнение, – известно что завтра снова будет. Зачем? Ктонибудь это понимает? Кто то и понимает. Все остальные подметают свой пол.

Он с улыбкой на губах снова подошел к окну. Глаза смотрели сверху на двигающихся людей. «Вон они. Как их только не обзывали – илоты, пролетариат, толпа...» – глаза лишь скользнули по выходящему из красивой машины человеку – «...пролетариат, санкюлоты... слова меняются и будут меняться, а эти все ходят и ходят туда-сюда и... подметают пол.» Он снова грустно усмехнулся.

«На прогулку? Может не надо? Незачем тратить время на шатание... Грязь, солнца нет... Зачем? Лучше прочитать статейку что вчера скачал... Да!! Очень хорошее начало было, но не дала ведь дочитать вчера. Совсем забыл. А? Ну что ты поделаешь. Мать... Такую вещь! Быстренько поест и...»

Он заторопился. Скинул ночную майку и накинул рубашку. Хорошая рубашка, притно провести по ней рукой – сам купил, очень теплая и мягкая... «Удобно. А, что здесь, порвалась? А?!!» Он схватился за нижний край. «Нет, показалось, всего лишь ткань на заплату. Удобно – тряпочка пришита, на замену, чтобы если порвется рубашка, можно было легко восстановить. Вот не помню, на наших рубашках тоже такие вешают?.. Не уверен. Все же ругай не ругай этих заграничных уродов, а они кое что умеют делать, рубашки например... И гамбургеры... И пол подметать...» Он вышел из комнаты и сладко зевая и почесывая задницу направился в ванную комнату.

Мать что то там копошилась на кухне. Он краем глаза видел, что она обернулась и хотела поздороваться, но останавливаться не стал. Не хотелось. В зеркале напротив входа мелькнуло заспанное лицо и всклокоченная прическа. Он заперся, и включив теплую воду, с удовольствием начал плюхать ею о лицо...

Хорошо. Довольный, он распрямил спину и посмотрел на отражение в зеркале. Глаза на секунду задержались на легкой улыбке блуждающей на губах, потом на непримиримой прическе, вдруг увидели сами себя и сразу же убежали куда то вбок, оставив в сознании после этого соприкосновения волнуемое ощущение электрического разряда..

Остановившись на лежащей на полочке бритве глаза помогли руке взять ее. «Нет. Сначала...» Он намылil кисточкой щетину. «Что там эти дураки в рекламе показывают.» Он повернул к зеркалу правую щеку. «Как мужчина когда бреется мечтает о каких то заоблачных даях? Н-да... В психологии не разбираются совсем.» Глаза в отражении согласно изображают непонимание этих дебилов, но снова лишь мгновение. «...Каждый нормальный человек когда бреется думает только о том...» Левая щека довольно удачно... Да... «...думает, чтобы рукой правильно двигать. Они что про рефлексию не слышали? Скажем... Если бреешься современной бритвой... Да... То, конечно, думать руке приходится гораздо меньше, чем если скажем... бреешься опасной бритвой... или топором например» – он усмехнулся. «Но все равно говорить о том, что внимание все куда то улетает нельзя... Эх!» Рука дрогнула и на подбородке выступила маленькая капелька крови. «И так то порезаться можно, ни о чем не думая, А они: помечтай... О самолетах! Дебилы!» И закончив бритье и слегка морщась смыл остатки пены с лица.

Причесывая непослушную кипу волос, он снова пристально посмотрел в свое отражение. Глаза вздрогнув упали вниз и приникли к белеющему между незастегнутых пол рубашки провалу слабой груди: он вспомнил как недавно поднимался по лестнице и все тяжелее дышал от усталости и от... на какой этаж? На высокий какой то... Он смотрел на свою слабую грудь и тонкие руки. «Ребенка маленького по лестнице не поднять... Не то, что...»

Плитка на полу совсем потрескалась. Когда они клали ее с отцом, нужно было добавлять больше песка в смесь... Он говорил ему это... А сейчас все и сыграло: смесь держала плохо и плитка начала покачиваться – вот и результат... Плитку переключивать... Он распрямил упавшие немного плечи и взгляд и вышел из ванной.

–Коля, Коля, ты освободился?, – Мать стояла в коридоре и держала в руках трубку закрывая ее рукой.

–Давай.

–Он будет с вами говорить, – произнесла мать в трубку, и прошептала вновь ее зажав, –
Доброе утро...

Николай кивнул ей и неторопливо принял трубку.

–Да.

–Николай? Это Шмаков.. Лексеич, дело такое нужно помочь сегодня. Во вторую смену.

–Да? – мысль замедлилась. «Начальник... серьезный... Статья... погулять...»

–Эфир срывается, Крушкин болеет, я уезжаю сегодня – нужно, нужно выйти...

«А Лесников? Вовка Пухов? Галина Дмитриевна...»

–Хорошо... Хорошо... Да.

– Угу, – короткие гудки.

–

Ну что ты будешь делать! – громко сказал Николай.

–

Что-то случилось на работе? – Мать прибежала с кухни.

–

Да нужно им помочь... Во вторую смену. Отказаться неудобно. Если начальник просит...

–

Он тебя сам попросил? Да? Приятный голос у начальника. Умный.

«При чем здесь умный? Умный-разумный. Попросил...»

–Да, сам попросил... Отказаться неудобно поеду к четверем. Пожрать есть?

«Пожрать, такого слова она не любит...» Глаза быстро глянули на мать. Она укоризненно молча пошла на кухню. «Пожрать-пожратьпожратьпожрать, пожрать-пожратьпожратьпожрать – какая разница какими словами петь песенку... Красиво, снова красиво...»

Он уселся в углу кухни и включил телевизор. Глаза случайно поймали стрелку часов висящих над дверью.

–Уже два?

–Да Коля... А что, ты что то хотел сделать.– Мать *повернулась* к нему с вопросом.

–Да какая разница.– *махнул* он на нее рукой и продолжил переключать каналы.

–Да, теперь... Да... – мать торопливо отвернулась к плите.

Перед глазами мерцали картинки. Картинки не нравились. Картинки вызывали только раздражение. Пальцы продолжали нажимать на кнопки. Глаза все больше раздражаясь смотрели на бессмысленно вещающий экран. Он безразлично оттолкнул пульт, оставив случайный канал.

–Сколько тебе положить, Коля? – мать поднесла пышашую дымом кастрюльку. Резкое чувство голода пробило внутренности «...вкус картошки...». Во рту образовалось почти физическое ощущение этого вкуса, скулы слегка свело.

–Много. – Николай потер руки и произнес с нежданно обуявшей голос бодростью.

–Сейчас сосиски будут, подожди чуть-чуть, – сказала мать с улыбкою.

Аппетитно дымящаяся картошка появилась перед ним. Испытывая дрожащее чувство близкого счастья, Николай аккуратно разложил на дымящиеся куски картошки масло. Глаза то и дело скользили по тающим кусочкам, замечая, как волнистым потоком сползает расплавленная масса, но отвлекаться нельзя – хлеб сложно резать вслепую.

–Коля подожди...

Но поздно. Откусив большой кусок хлеба, Николай со вздохом разломил вилкой первую картошину, выпустив из нее очередной комок пара и послал вдогонку хлебу.

–Коля, дай сосиски положить, – мать мешалась под руку и не давала насладиться прекрасным вкусом.

–Клади, клади, на... – Он резко пододвинул тарелку.

–Нужно же все сразу... Так вкуснее... – улыбалась победе мать.

Жаркие кусочки блаженно проскальзывали внутрь. Просто счастье какое-то. Этот вкус... Челюсти торопливо и с содроганием пытаются перемолоть еду, но горло вытягивает куски из их зубов. Еще вкуса. Кусить картошку, потом сосиску, потом хлеб. Пожевать. Кусить еще... Пожевать. «...что может быть...». Хорошо. Пожевать...

Николай взял еще картошки. Можно было бы есть вечно, но глаза мешали – они то и дело останавливались на часах. Там длинная стрелка опускалась все ниже и ниже, к месту где будет пора выходить. Ну еще немного. Николай взял еще одну картофелину, намазал ее маслом и, уже посапывая от усталости, медленно прожевал.

–

Фу... Мать, спасибо. Хорошо... – Он положил руки на животик. – Хорошо, – протянул еще раз.

–На здоровье – улыбнулась она.

Нужно вставать. Не хочется. Нужно в сортир. Николай тяжело поднялся, и ковыляя от тяжеляющей живот картошки пошел в туалет. ...

...Раздался знакомый и всегда радостный звук закрываемой двери: звук шумящей воды бывший до этого таким громким вдруг резко приглушился и остался где то позади, как и все хорошее. Ощущение тяжести не покинуло его, сейчас хорошо бы лечь на кровать и получить еще немалую порцию удовольствия от выходного дня, но... «нужно помочь» ... всплывает солидный басистый голос. Уже пора выходить.

Не торопясь и стараясь меньше беспокоить очумевший от радости живот, Николай прошел в комнату и начал стягивать штаны и кажущуюся еще более родной и мягкой рубашку. Тело против воли присело на кровать и бессильно упало, откинувшись назад. «Вставать... вставать...» Некоторое время Николай безуспешно боролся с собой. Что то гнало вперед, а что то требовало остаться. Было почти невозможно променять такое близкое и манящее удовольствие на нежеланную обязанность работы. Долго и вслух вздохнув, он встал, достал из шкафа рубашку, свитер и брюки и начал без энтузиазма облачать в них свое тело.

Новые джинсы налезали с трудом и Николай втянул живот, чувствуя при этом как картошка пихает его под дых. Джинсы все равно не застегивались... Еще раз. Не получается. Ну что ты будешь делать. Николай покопался руками на нижней полке шкафа. Какой то старый ремешок. А, сойдет... – он махнул рукой, приладил и застегнул ремень и проверяя как сидят на ремне расстегнутые штаны и не видно ли что они расстегнуты из под свитера, вышел в коридор.

–Ну что, сынок, ты сегодня поздно, получается?

–Нет, получается завтра рано... Не знаю... Никогда во вторую не работал.

Николай с трудом нагнулся и сопя натянул ботинки. Надел куртку.

–Ну пока.

–Счастливого, сынок, – ее лицо вспыхнуло вдруг освещенное светом лампочки, глаза на мгновение остановились на ней, маленькой, серенькой, старой и пошагали навстречу пролеты лесницы.

Сложно. «Спать... Но воздух свежий... Что там за кошка лежала на батарее... Что...» Он вышел из подъезда.

–Николай!

Николай вздрогнул.

–Николай, стой.

«Кто... А... Сосед.»

–Добрый день, – он протянул руку подошедшему мужчине.

–Добрый день, Николай... – и понесся неудержимый поток из вопросов и ответов: – А ты.... А я ... А как у тебя ... Как мать?.. Что то ты давно... А я вот...

Николай односложно отвечал, поднимал на него глаза и все силился улыбнуться в ответ на сияющую радостью улыбку. Человек болтал похлопывая Николая по спине и размахивая руками, над чем то смеялся и ожидал единодушия и от него. И Николай посмеивался и вновь опускал глаза и чувствовал тяжесть в желудке и думал о том, сколько сейчас времени.

– Ну дак ты на прогулку сейчас?, – впервые ослабил свой напор сосед и сделал маленькую паузу, как бы ожидая ответа

– Не... – попытался сказать Николай, но человек видимо отсчитав в уме необходимую на ответ секунду, вновь продолжил:

– Ну знаешь тогда , подожди меня, я сейчас отнесу это домой, – он потряс в воздухе пакетом с торчащими из него деревяшками, – отнесу, и пойдем вместе – он последний раз хлопнул Николая по плечу и развернувшись поспешил в подъезд, – Подожди меня пять минут...

– Сергей..., – тихим голосом начал Николай, но догонять того было бессмысленно, двери лифта уже захлопнулись.

«Ждать...» Николай задумчиво стоял перед подъездом. «Время... скорее...» Он уже было пошел вперед, но снова остановился и посмотрел в дверной проем. «Ждать...ждать... что делать?». Николай занервничал и заметался. Перед глазами суетливо сменяли друг друга слякотная дорожка и черный проем подъезда и тело то порывалось к движению, то замирало ожидая. «Ждать...» и звучал голос знакомого, который обидется если... «Не ждать...» и слышался сухой бас начальника... «нет... да...» К каждому варианту решения вопроса следовал свой вариант развития событий и какой нужно было избрать решить он не мог. «Обидется... но не ждать же... или подняться наверх и сказать... опаздываю... подняться... А!...» он все еще сомневаясь развернулся и пошел, уставившись в землю.

«Ну что же такого, пойдет один...» ноги старательно огибают лужи рождающиеся из толстых наростов льда на дороге. Глаза останавливаются на клочках бумаги и упаковки, показавшихся из под тающего снега. «Потом позвоню... Да, извинюсь... Неприлично...» Он чуть подвинул плечо, чтобы не столкнуться с кем то, кто шел ему на встречу. «Правильно сделал, так и надо...». Николай дышит тяжело и глубоко и старается идти неспеша, но ноги сами выбирают ритм ходьбы и быстро и мелко подпрыгивает мир вокруг и быстро вырастает, приближаясь станция метро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.